

*Александр
Тамоников*

**ТАЙНА
ЗАТОНУВШЕГО
КОНВОЯ**

*Москва
2019*

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Коллаж на обложке *Петра Волкова*

В коллаже на обложке использованы фотографии:
Arseniy Shemyakin Photo, Oriole Gin, JohnTV,
Lionel Alvergnas, Bogorodskiy, Kozlik / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Тайна затонувшего конвоя / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (СМЕРШ — спецназ Сталина).

ISBN 978-5-04-101410-0

Поразительная правда о военном времени. Суммарный тираж книг автора — около 10 миллионов экземпляров.

Осенью 1944 года в Заполярье направляется майор СМЕРШ Андрей Неверов. Ему поручено выявить агентурную сеть «глубокого залегания», оставленную Абвером при отступлении германских войск. Под подозрение контрразведчиков попадают буквально все: и партийные чиновники, и директора местных предприятий, и милицейские чины, и военные. Суровый и беспощадный майор с первых же дней сталкивается с откровенной враждой местного населения, а беглые уголовники даже совершают на него покушение. Но все это выглядит обыденно по сравнению с тем, что ждет майора Неверова после встречи с подозрительной группой водолазов...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-04-101410-0

© Тамоников А. А., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ГЛАВА 1

За окном раздался пронзительный свист, захаркал мотор. Хлопнули два выстрела, кто-то испуганно закричал, затопал по мостовой.

Щуплый мужчина в кепке и пиджаке, с густой щетиной на щеках и шрамом на подбородке подлетел к выключателю, и скудно обставленная комната на втором этаже кирпичного дома в центре Мурманска погрузилась в полумрак. Он метнулся к окну, задернул шторы, и стало совсем темно. По мостовой с ревом проехал автомобиль. Звуки растворились в ночи, стало тихо и темно. Только ходики на стене чуть слышно тикали.

Волнение постепенно отпускало людей. С сухим щелчком вернулся на место взведенный курок семизарядного нагана. Опасность миновала. А была ли она?

— Все, отбой, — проворчал прокуренный голос. — Эй, Карась, монтер хренов, давай свет.

Заскрипели половицы. Владелец шрама и болезненной худобы подался к выключателю.

Загорелась тусклая лампа, окольцованная тряпочным абажуром. Осветились колченогая мебель, облезлый потолок, ветхий коврик на стене, на котором были изображены олени, гуляющие в мирном лесу.

Карась остался в проходе, ведущем в прихожую. Он прижался к косяку, сунул руку в карман, явно не пустой. В криминальной иерархии этот нервный тип занимал далеко не первые места. Парню было лет тридцать, глаза шныряли, на лбу поблескивали бусинки пота.

Двум другим удавалось сохранить лицо.

За широким столом, покрытым скатертью, спиной к выходу сидел приземистый субъект в кожаной жилетке, мясистый, колоритный. Волосы на его голове росли так, как им хотелось, в основном на загривке и над ушами. Правая рука с тем самым наганом покоилась под столом. Мужчина разминал кулак, костяшки которого украшали выцветшие наколки.

Третий был моложе, но в его коротких русых волосах уже скопилась седина. Он подался вперед и, опираясь локтями о стол, насмешливо созерцал компанию. У него был цепляющий неприятный взгляд.

— Обделались, товарищи воры? — Этот субъект криво ухмыльнулся. — Очкуем не по делу? Домушники на лайбу с патрулем нарвались, когда стыренное барахло откуда-то перли, видать, из

соседнего дома. Сейчас им и скажут, чтобы башкой в первую очередь думали. А вы что решили? Эх, неправильно вы живете, граждане дорогие. Хотя согласен — очко не железное.

— Ага, ты еще скажи, что мы жить не умеем, — как-то смущенно буркнул Карась.

— А что, и правда не умеете. — Русоволосый парень хищно оскалился, обнажил прокуренные, но в целом приличные зубы. — Вы жизнью не наслаждаетесь, от нее страдаете. Умереть вам надо. — Он ехидно хохотнул. — Приятная новость, Махан?

— Ладно, Белый, поглумился, и будет, — проворчал человек, сидевший на другом конце стола.

Он спрятал револьвер в глубокий брючный карман и теперь сжимал и разжимал оба кулака. Наколки на втором выглядели богаче, хотя едва ли раскрывали биографию хозяина.

— У тебя, Белый, репутация в блатном мире, может, и нормальная, но не хаами, ладно? Умирать мы не спешим, после смерти, знаешь ли, уже ничто не интересно. Патруль так патруль, товарищи не возражают. Но береженого, как говорится...

— В тундре на луну твои товарищи воют, понял? — заявил Карась, осмелев. — Ты что, мент, коммуняка — «товарищами» тут швыряться?

Русоволосый человек засмеялся.

Субъект с погонялом Махан удрученно покачал тяжелой головой.

— Это для красного словца, Карась, не пугайся. Ладно, братва, за угощение отдельное, как говорится, спасибо. — Белый отодвинул от себя вазочку с вареньем, салфетку с крошками съеденного хлеба.

Он одним глотком, словно водку, допил чай из алюминиевой кружки, уставился на собеседников и проговорил:

— Чем дальше займемся? В козла сыграем? Или все же к делу? Мой посыл ты усвоил, Махан. Не пора ли его обдумать? С корешами перетри, лясы почешите недельку-другую. Или ты не веришь уважаемым людям из Архангельска, которые хотят не войны, а взаимовыгодного сотрудничества с мурманской братвой, дабы всем было хорошо, тепло и богато?

— Мы за мир, Белый, — заявил Махан, — но мир миру рознь, согласись? Архангельск город шумный, большой. Блатной мир там не один год правит, бабки делает. А наш городок маленький, недавно построен. С перспективой, конечно, как обещает товарищ Сталин... — Небритые скулы перекосила гримаса. — Но та ли эта перспектива, как ты считаешь, Белый? У вас торговля, склады, крупные перевалки, море приезжих по кабакам, гостиницам и прочим значным местам, а у нас лишь порт да флот.

— Махан, ты сейчас торгуешься? — осведомился Белый. — Цену задираешь? Или что это было? Мы вам в качестве жеста доброй воли предлагаем деньгами разжиться, совершенно, заметь, безвозмездно. А просим лишь свести с вашим паханом, чтобы предложить ему дружбу и взаимную выгоду. Наши расчеты не кусают ваши интересы. Потерь не понесете, обещаем, а через год-другой укрепнем, вместе весь север в железном кулаке держать будем. Слушай, а на хрена я тебе чего-то доказываю, не объяснишь? У тебя своя голова на плечах, весь расклад нарисовать можешь.

— Ты нам лекцию не читай, — заявил Махан. — Слушай, а что за погремуха у тебя такая — Белый? Ты же вроде Кулешов или как?

— Потому что наколок у меня нет, — объяснил тот.

— А что так?

— Не люблю их. Да и ситуации бывают всякие. Иной раз эта живопись на видных местах делу мешает. Мама в детстве учила: не делай, сынок, наколки, хорошие люди этим не занимаются... — Белый издал короткий смешок. — Решился, Махан? Будем общаться с паханом или кто там у вас мазу держит?

— Сыч не блатной, — подал голос из проема Карась.

Махан вздрогнул, недовольно стрельнул глазами.

— Ладно, потерпим. — Белый пожал плечами. — Нам без разницы, Махан, блатной он или дирижер симфонического оркестра. Фигура дельная, судя по делам. Наши люди перетереть с Сычом хотят.

— А он фигура не публичная, — сказал Карась. Белый поморщился.

— Несерьезный базар. — Он сделал вид, что собирается встать. — Спасибочки за угощение, гостеприимство, за то, что не выкинули в ночь глухую. Жаль затраченного времени. Но ничего, передам своим, что мурманские задирают планку, не готовы пока общаться на равных...

— Сядь, Белый! — Махан беспокойно шевельнулся. — А ты, Карась, пасть закрой и не тринди. Давай конкретику, Белый. Твои намеки, недомолвки — тоже, знаешь ли, не бальзам. Что по кассе? Выгорит дело — вместе отправимся к Сычу, пусть решает, стоит ли нам входить в ваш «союз нерушимый». Но сам пойми, Карась дело говорил. Сыч фигура не публичная, из тени не выходит. Не поверишь, про него только трое в курсе. Даже Карась ни хрена не знает, кроме того, что он далек от блатного мира...

— Триста тысяч советских рублей в новеньких купюрах — нормальный резон? — перебил его Белый.

Карась присвистнул, оторвался от косяка и вынул руки из карманов.

— Откуда такие сокровища, Белый? — спросил не менее впечатленный Махан. — И не где-ни-

будь, а в моем родном городе? Ты ничего не запутал?

— Это не твой родной город, Махан, — отрезал Белый, — Мурману тридцати лет нет, а тебе далеко за сорок. И запомни на будущее, Махан, — мы никогда ничего не путаем. Зарплата за июль судоремонтного завода — вернее, не всего, а трех основных цехов. Остальным подвезут через три дня. Завтра будут раздавать — полтысячи голодных ртов как-никак. Ну, если, конечно...

— Охренеть! — заявил Карась. — Вот это деньги!

— Скажи, Белый, как так вышло? Почему вы знаете про деньги, а мы — ни сном ни духом? — спросил Махан. — А вроде первые должны...

— Так уж вышло. — Белый усмехнулся. — Да не менжуйся, Махан, все чисто. Инкассаторы в два часа ночи повезут зарплату из банка на Свердлова в заводскую кассу. Обычная практика. Они всегда так делают, чтобы избавиться от лишнего риска. Приличные люди по ночам же спят, верно? В банке море охраны, на заводе тоже. Единственный шанс откупорить эту кубышку — в пути. Машина железными листами обшита, пара лимонок вскроют ее, как консервную банку. Внутри двое ментов с автоматами, еще один в кабине, четвертый — шофер. Сразу предупреждаю, его не мочить, это наш человек. Остальных — ради бога.

— Вот оно что. Вы своего человечка на работу в наш город отправили.

— Ага, внедряемся потихоньку. Прости, Махан, без обид. Так получилось. Грешно было не использовать оказию. Маршрут известен. Машина ходит так дважды в месяц. Свердловка — Северная — Портовый вал — крыльцо Госбанка. Где-то в два пятнадцать менты выедут на пустырь за Ситцевым овражком, где их и можно красиво сделать. Там ночью ни людей, ни машин. Проезд узкий, бросим пару булыжников на дорогу — остановятся как миленькие. Что вы теряете, Махан? Для такого дела хватит и четверых. Риск — согласен, но деньги верные и в таком количестве!..

— Красиво говоришь, Белый, — проворчал Махан, исподлобья созерцая собеседника, лицо которого практически не менялось. — Но скажи мне вот такую вещь. Допустим, все срастется, и что тогда? Всей братвой валить из района? Менты начнут шерстить местных, рано или поздно выйдут на след, потянут ниточку. Думаешь, они не знают про нас? Вам хорошо, дело сделал и свалил в свой Архангельск, а нам куда? Тут, конечно, не Сочи, но жить можно, особенно без конвоя. В нашей стране есть места гораздо хуже. Ты должен знать...

— Одно я точно знаю, — заявил Белый, — учреждение Дальлага под номером тридцать два — четырнадцать. Ветра постоянно, охрана — бешеные

псы, кормят мерзостью. Леса там такие, что и за век не вырубить. Крайне не рекомендую, парни.

— На Дальнем Востоке отбывал? — спросил Карась.

— Было дело по нежным годам, — подтвердил Белый. — Угодил туда за попытку убийства сторожа в продмаге. Много не дали — не политический же, а все равно хватило. С тех пор осторожничаю, не блатую, берусь лишь за верные дела. А наше, повторяю, такое и есть. Халява в гости катит, чувствуешь, Махан? Вы просто берете бабки, а потом, уж будь добр, сведи меня с Сычом. Да не через неделю или, скажем, месяц, а уже сегодня, на крайняк завтра.

— Как навар делим? — Глазки Махана превратились в щелки.

— Поровну, — ответил Белый, — мы тебе не добрые самаритяне, чтобы от своей доли отказываться. Но это щедро, не спорь. Мы за вас все спланировали, подготовили.

— Ладно. — Махан откинулся на спинку стула. — Кто из ваших еще в теме?

— Есть парочка. — Белый сделал неопределенный жест. — Ты же не думаешь, что мы не страхуемся? Но эти люди тебе не конкуренты, их работа закончена. Так идем на дело, Махан? Ты, я, еще кого-нибудь подбери — да толковых, а не тех, кто пальцы гнет, по фене без словаря ботает, а больше ни хрена не умеет.

— Ты сейчас о ком? — вспыхнул Карась.

— Нет, о присутствующих плохо не говорим. — Белый осклабился, выставил на обозрение все свои тридцать два зуба.

Упустить такой куш мурманские уголовники никак не могли. Но случилась заминка. Надо было сообщить об этом тому самому Сычу, получить от него добро.

Белый поглядывал на часы, раздраженно цокал языком. Из комнаты выскочил Карась, за ним удалился Махан. Представитель архангельских воров окутывал себя зловонным папиросным дымом, мрачно разглядывал оленей, вышитых на коврик.

В начале второго часа ночи в комнату заглянул Карась и недвусмысленно махнул рукой. Белый поднялся, пружинистым шагом вышел в коридор. Карась удалялся, шаркая стоптанными подошвами, скрылся за дальней дверью.

Квартира на втором этаже принадлежала явно не пролетарию. Слишком много помещений и переходов. Два пролета скрипучей лестницы, узкая шахта черного хода. В глубине торчал сутулый тип в кепке. У крыльца кутались в балахоны еще двое.

С неба моросило что-то невразумительное, густая влага насыщала воздух. Ночная температура не поднималась выше пяти градусов. Август в Заполярье в победоносный год оставлял желать лучшего.

Из соседней двери, как черт из табакерки, вылутился Махан, за ним еще пара, подошли к Белому.

— Что, Махан, здравый смысл отмечает победу? — насмешливо спросил тот.

— Язык придержи! Мы сами сообразим, что нам делать. С нами пойдешь, Белый. Выгорит дело — отвезем тебя к Сычу, с ним и три свои проблемы. Пошли, телега за углом.

— Волыну верни, Махан, — сказал Белый. — Я вам что, мент ряженный? Что за хрень? Без стволов сами топайте на дело.

Махан поколебался, потом махнул рукой и сказал:

— Хомяк, отдай парню пушку, а то обидчивый он какой-то.

Приземистый субъект с пухлыми щеками извлек из недр фуфайки ТТ, сунул владельцу. Тот забрал свою игрушку, проверил обойму, фыркнул и сунул пистолет в карман.

Мужчины пересекли двор, вышли к углу соседней двухэтажки. Помянутая телега — подержанная «эмка», списанная с баланса какого-то советского или партийного хозяйства, — стояла у края тротуара под согнувшимся деревом. Фонари в округе бездействовали. Не дошли до них руки мастеров коммунального хозяйства. Электричество в домах граждан имелось, но подавалось с перебоями.